

Litera

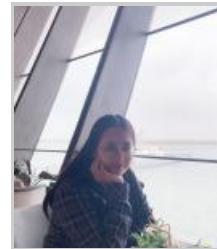
Правильная ссылка на статью:

Фэн Ц., Ван П. От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76026 EDN: GQALAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76026

От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований

Фэн Цзин

кандидат культурологии



аспирант, кафедра культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 416

✉ 1144168496@qq.com

Ван Пэйэнь

ORCID: 0009-0007-2438-9056

кандидат этнологии



преподаватель; Академия Сообщества Чжунхаминьцзу; Даляньский национальный университет

116600, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, ул. Ляохэ, 18

✉ 18097795112@163.com

[Статья из рубрики "Героическое"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76026

EDN:

GQALAD

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2025

Дата публикации:

24-11-2025

Аннотация: Данная статья исследует китайскую героическую наррацию, выявляя её универсальные черты в рамках модели «пути героя» Джозефа Кэмпбелла и уникальные

культурные особенности. Цель работы – преодолеть ограничения западной теории «мономифа», а также обосновать необходимость построения локализованной теоретической рамки для адекватного анализа китайского материала. В данном исследовании были отобраны репрезентативные образцы классической китайской литературы, мифов, легенд и народных сказаний в качестве исследовательского материала. В работе применяется междисциплинарный подход, который сочетает теории культурологии, нарратологии и китайской философии для изучения китайского героического повествования. Ключевая инновация заключается в системном выявлении специфики китайского героя через призму конфуцианства, даосизма и буддизма. Ключевая инновация заключается в системном выявлении специфики китайского героя через призму конфуцианства, даосизма и буддизма. В статье показано, что «Исход» героя часто мотивирован долгом, а не личным призванием. «Посвящение» включает моральное саморазвитие и следование принципу «золотой середины», а «Возвращение» может быть трагичным или выражаться в уходе от мира, отражая даосскую идею «недеяния» и буддийскую карму. Результаты демонстрируют, что китайские философские идеи, такие как конфуцианские, даосские и буддийские концепции, оказали значительное влияние на повествование о местных китайских героях. Конфуцианство формирует идеальную личность и моральный кодекс героев, даосизм придает героям естественный трансцендентный темперамент, а буддийская концепция кармического воздаяния обогащает повествовательное содержание. Это исследование представляет китайскую исследовательскую оптику в изучении повествований о героях и подчеркивает уникальную ценность китайской героической литературы.

Ключевые слова:

образы героев, мономиф, путь героя, конфуцианство, даосизм, буддизм, локализованное повествование, глокализация, универсалия, уникальность

Данная статья является промежуточным результатом проекта Национального фонда социальных наук Китая 2025 года «Цифровизация и производство памяти: исследование нарратива общности китайской нации в устной истории содействия Синьцзяню» (проект № 25CMZ068), а также проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин 2024 года «Исследование ценности и применения революционной культуры "шести городов" Ляонина в новую эпоху с перспективы общности китайской нации» (проект № L24CMZ002)

Введение

В современном гуманитарном знании интерес к сравнительному изучению культур обусловлен процессами глобализации, расширения и углубления культурных обменов. Традиция культурной компаративистики при этом имеет давнюю историю – на сходство сюжетов и персонажей разных мифологий исследователи обратили внимание еще в XVIII и XIX веках, с тех пор сложилось много подходов к изучению и сравнению мифов: исторический, лингвистический, структурный, психологический. Из многих теоретических моделей можно выделить модель «мономифа» Джозефа Кэмбелла, которая имеет определенный методологический потенциал для выявления общих черт и уникальности героических повествований в различных культурах. В книге «Тысячеликий герой», опубликованной в 1949 году, Кэмбелл предложил модель «Пути героя» на основе изучения мифов, легенд и религиозных текстов восточных и западных культур. Он считает, что, хотя героические истории в разных культурах различаются по конкретным

сюжетам и образу персонажей, все они следуют базовой повествовательной структуре, то есть модели «отправление – инициация – возвращение» [\[1, с. 23\]](#).

В данном академическом контексте китайские исследователи активно применяют и критически осмысляют модель «Пути героя», используя её как для анализа межкультурных текстов (например, интерпретация Ли Сянаном египетского романа «Лампа Умм Хашим» [\[2\]](#)), так и для исследования произведений отечественной массовой культуры (как в работе Ли Вэйлань о фильме «Нэчжа: Рождение дьявола» [\[3\]](#)), что предоставляет конкретные кейсы для изучения универсальности нарративов. Проведённые исследования демонстрируют, что на макроструктурном уровне китайские героические нарративы обладают общими чертами с глобальными героическими сюжетами, зачастую воспроизводя схему «отправление – инициация – возвращение» [\[4, с. 4\]](#).

Однако с момента своего появления теория «мономифа» подвергается серьёзной критике в академических кругах за свой универсалистский и упрощенческий уклон. Основные критические замечания сводятся к следующему: во-первых, она игнорирует культурную специфику, насиливо втискивая богатое многообразие локальных знаний в единую схему, укоренённую в западном мифологическом опыте, что вызывает обвинения в культурном колониализме. Во-вторых, её линейно-прогрессистская нарративная модель не полностью совместима с повествовательной логикой многих культур, таких как китайская с её циклической исторической концепцией и трагической традицией. В-третьих, данная модель обладает выраженной андроцентричной окраской и не способна адекватно охватить нарративы о становлении женщин.

С учетом указанных теоретических затруднений данное исследование принимает перспективу «глобализации» в качестве методологического ориентира. Данный подход, признавая существование глобальных культурных потоков и универсалий, в то же время акцентирует необходимость сохранения культурной субъектности локальных традиций и их творческой трансформации [\[5, с.12\]](#). Он требует от исследователя совмещения макроподхода, основанного на межкультурном сравнении, с погружением в ткань конкретной культуры для выявления её имманентной и внутренне последовательной логики. Исходя из этого, использование в данной работе модели Кэмпбела продиктовано не целью «подтверждения» её истинности, а намерением использовать её в качестве «Другого» – зеркала, позволяющего с большей чёткостью выявить уникальные контуры и духовную специфику собственно китайского героического нарратива, что позволяет избежать ошибочных интерпретаций.

Исходя из этого, цель настоящей работы заключается в систематическом выявлении и анализе точек соприкосновения и расхождений между китайским героическим нарративом и моделью Кэмпбела. Посредством раскрытия их культурных истоков и нарративного своеобразия исследование направлено на развитие плюралистической теории культурных нарративов, рассматривая героический сюжет как продукт взаимного обогащения универсальных духовных устремлений человечества и уникальных характеристик локальной культуры.

Методы

Настоящее исследование систематизирует героические архетипы, представленные в классических китайских текстах, таких как «Путешествие на Запад», «Речные заводи» и «Ши цзи» («Исторические записки»), избирая в качестве материала для анализа

репрезентативные нарративы из области классической литературы, мифологии, фольклора и устных преданий с последующим выявлением их специфических повествовательных характеристик. Работа направлена на системный анализ их диалогических отношений с моделью «Пути героя» и углублённое раскрытие уникальных свойств китайской нарративной традиции. Используя междисциплинарный подход, интегрирующий культурологию, нарратологию и теорию китайской философии, а также опираясь на достижения сравнительной мифологии, исследование исследует универсалии и специфику героического нарратива в перспективе развития человеческой культуры. Основываясь на трёх ключевых элементах китайской философии – конфуцианстве, даосизме и буддийских концепциях, – данная статья уделяет первостепенное внимание анализу глубинных культурных оснований и ценностных ориентаций, присущих китайскому героическому нарративу.

Результаты

1. Универсалии и первоначальные расхождения китайского героического нарратива в перспективе модели Кэмпбела

Модель «Пути героя» Джозефа Кэмпбела предоставляет аналитический инструмент для выявления универсальных структур в героических сюжетах различных культур. Данная модель разделяет путь героя на три основные стадии: отправление, инициация и возвращение, где каждая фаза encompasses ряд типичных сюжетных ходов и событий, отражающих процесс духовного становления героя.

На стадии «отправления» китайский герой также часто откликается на некий призыв. Данный призыв может исходить от внешнего источника, такого как национальный кризис, просьба других о помощи; это также может проистекать из внутреннего желания героя, желания исследовать неизвестный мир или погони за славой. Например, Великий Юй усмирял наводнение в ответ на угрозу Поднебесной со стороны разлившихся вод. В «Ши цзи» об этом сказано: «鸿水滔天, 浩浩怀山襄陵, 下民其忧.....(禹)乃劳身焦思, 居外十三年, 过家门不敢入» [\[6, с. 82-85\]](#) («В то время воды потопа затопили землю, поднимаясь до горных вершин и окутывая холмы, и народ пребывал в великой скорби... (Великий Юй, усмиряя наводнение) трудился до изнеможения, предавался тягостным раздумьям и провёл вне дома тринадцать лет, проходя мимо родного порога, но не смея войти»). Хоу И, сбивая солнца, отвечал на бедствие народа, вызванное появлением десяти светил. В отличие от западных героев, чей призыв часто коренится в личном стремлении к приключениям, призыв китайского героя гораздо чаще проистекает из коллективного кризиса или морального долга.

На стадии «инициации» китайский герой также сталкивается с испытаниями и претерпевает становление. В «Путешествии на Запад» Сунь Укун, охраняя Танского монаха Сюаньцзана в его паломничестве за священными текстами, на всём пути усмиряет демонов и побеждает чудовищ, что представляет собой двойное испытание как его сверхъестественных способностей, так и его внутренней природы. Он встречает наставников-проводников, таких как сам Танский монах и бодхисаттвы, и образует союз с Чжу Бацзе и Ша-сэном, совместно преодолевая тяготы и опасности. Данный процесс воплощает универсальную парадигму, в которой герой достигает внутренней трансформации через внешние вызовы.

На стадии «возвращения» герой, исполнивший свою миссию, возвращается, обретённые силу и мудрою, дабы служить обществу. Его возвращение не является простым физическим возвращением в буквальном смысле, а связано с миссией и

ответственностью, с необходимостью поделиться приобретенным в ходе приключений опытом с другими, принести благо обществу и способствовать восстановлению мирового порядка и моральному возвышению. Это также представляет собой возвращение к своей истинной сущности [\[7, с. 130\]](#). Так, Великий Юй, успешно усмирив потоп, получил престол по воле Неба и основал династию Ся, используя мудрость и лидерские качества, явленные в процессе борьбы с наводнением, для управления государством и установления гармонии в Поднебесной. Это представляет собой классическую форму «возвращения», приносящую обществу порядок и благоденствие.

2. Культурная специфика китайского героического нарратива и её вызов универсальной модели

Несмотря на отмеченные структурные соответствия, китайский героический нарратив обнаруживает глубокое своеобразие в области конкретных сюжетных линий, ценностных ориентаций и философского наполнения, предлагая богатое идеиное содержание и четкие аксиологические установки [\[8, с. 117\]](#), что бросает вызов универсальности модели Кэмпбела.

(1) Влияние конфуцианства

Конфуцианская мысль заложила прочный этический фундамент и ценностный порядок для китайского героического нарратива. В отличие от модели Кэмпбела, где герой зачастую отправляется в путь в поисках личной судьбы или славы, «путь героя» в конфуцианской парадигме по своей сути является моральной практикой «преображения из обычного человека в святого». Ключевой конфликт этого путешествия заключается не в противостоянии индивида с внешними чудовищами, а в напряжении и гармонизации между личными желаниями и социальной этикой, между малым «я» и великим «я».

До появления конфуцианской культуры герои имели многие мифологические черты, часто зооморфный или миксантропический облик, были далеки от обычных людей, и их образы постепенно размывались. Конфуцианство, в свою очередь, использует легенды о трех властителях и пяти императорах, мифических правителях Китая для создания образа идеального правителя. Конфуцианство, рассматривая Яо и Шуня в качестве идеальных личностей и героев, делает их примером для подражания: «каждый может быть Яо и Шунь» [\[9, с. 235\]](#).

«Жэнь» («человеколюбие»), «Чжи» («мудрость») и «Юн» («мужество») почитаются конфуцианцами как «три превосходных качества», которые составляют новый характер героического образа. «Жэнь» означает «гуманный человек, человеколюбие». Мы должны заботиться не только о своей семье, но и о других. Это высший стандарт морали и основное качество героя. Практика «Жэнь» может сформировать множество добродетелей и заставить людей успокоиться. «Чжи» требует, чтобы люди различали правильное и неправильное, правильно судили о поступках, накапливали мудрость путем обучения и спокойно анализировали вещи, когда сталкиваются с ними. «Юн» – это не просто смелость, а способность, основанная на «Чжи» и «Жэнь», управлять эмоциями с помощью разума, твердо придерживаться справедливости и обладать правильной системой ценностей. Эти три качества тесно взаимосвязаны: «Жэнь» является ядром, и без него легко нанести вред обществу; «Чжи» – это основа, и без мудрости гуманность становится неразборчивой, а действия – опрометчивыми; «Юн» – это гарантия, поскольку воплощение «Жэнь» и «Чжи» невозможно без смелости [\[10, с. 58\]](#). В событиях, известных как «Возвращение нефритовой печати в царство Чжао» и «Примирение министра и генерала», Линь Сянжу в полной мере продемонстрировал «Юн» в защите

государственных интересов, «Чжи» в проницательном распознавании замыслов циньского вана и «Жэнь», проявленную в подчинении личных амбиций высшим интересам государства.

Кроме того, конфуцианская концепция «золотой середины» сформировала характерные для героя черты рациональности и сбалансированности. Конфуций считал, что «золотая середина» заключается в умении находить баланс между противоположностями и действовать умеренно [\[11, с. 39\]](#). Чжу Си интерпретировал это как «не отклоняться ни в одну из сторон» [\[12, с. 1559\]](#). Чжан Дэшэн предложил, что «Золотая середина» включает в себя два аспекта: «Чжун» – уместность и соразмерность, и «Хэ» – стремление к гармоничному сосуществованию [\[11, с. 41\]](#). Стратегия Чжугэ Ляна о «разделении Поднебесной на три царства» служит примером такого рационального выбора, основанного на взвешенной оценке обстоятельств и исторического момента [\[13, с. 760-761\]](#). Продвигаемая конфуцианством «секуляризация» и «морализация» героического образа приблизила китайского героя к человеческому порядку бытия, в результате чего его путь становления чаще представляет собой совершенствование моральных качеств, нежели простое обретение силы.

(2) Влияние даосизма

Даосская мысль привнесла в китайский героический нарратив дух свободы, превосходящий мирские установления, и космологическую перспективу. Она обеспечила измерение «трансценденции», отличное от конфуцианской философии «вовлечённости в мир». В даосском понимании герой бросает вызов, как правило, окостеневшему искусственному порядку, противоречащему «естественному».

«至人无己, 神人无功, 圣人无名» [\[14, с. 20\]](#) («Для настоящего человека нет собственного "я", для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы»), – это описание идеальной личности Чжуан-цы. Эти образы идеальной личности отражают стремление к естественности, свободе и отрешенности от суетного мира. Эволюция образа Сунь Укуна в романе «Путешествие на Запад» несёт в себе глубокую даосскую семантику. Его жизнь на Горе Хуаго олицетворяет состояние «недеяния» (увэй), характеризующееся естественностью и отсутствием внешних ограничений. После попадания на Небесный дворец противоречие между тамошними правилами и его природной сущностью приводит к конфронтации с небесной администрацией, что по сути представляет собой сопротивление навязанному извне порядку. На пути к изучению Священных Писаний он постепенно перешел от полагаться исключительно на силу к большему использованию мудрости (как, например, выяснение происхождения демонов или привлечение помощников из высших сил) для наблюдения за ситуацией и следования законам для решения проблем. Это отражает углублённое понимание и практическое воплощение принципа «недеяния» (следование Небесному пути). Более того, выбор некоторых героев удалиться от дел после достижения подвига и скрыться в горных лесах (распространённый сюжетный ход в уся-романах) также рефлексирует даосскую систему ценностей, направленную на обретение свободы и трансценденции [\[15, с. 103\]](#).

(3) Влияние буддийской мысли

Проникновение буддийской философии привнесло в китайский героический нарратив глубокую темпорально-пространственную структуру и метафизическую рефлексию. Концепции «закона кармы» и «круговорота перерождений в шести мирах» существенно обогатили повествовательное измерение и философскую глубину. Героическое

странствие стало рассматриваться в контексте грандиозной причинно-следственной цепи, простирающейся через множество жизней и перевоплощений.

«Путешествие на Запад» как таковое представляет собой героическое странствие, основанное на законе кармы и искуплении. Танский монах Сюаньцзан (перерождение Цзиньчань-цзы) в своей прошлой жизни проявил непочтительность к буддийскому Учению – что стало причиной; следствием же стало его паломничество на Запад за сутрами в нынешнем рождении с целью искупить эту вину. Многие демоны и чудовища, встречающиеся на пути, а также их поражение, часто вписаны в их собственные кармические цепи (как, например, Демон белой кости, уничтоженный вследствие своих злых помыслов [\[16, с.197-204\]](#)). Подобная нарративная структура придаёт героическому предприятию морально-дидактическое значение, возвышая его над уровнем простого приключенческого сюжета и наделяя более глубоким религиозно-философским смыслом [\[17, с. 618\]](#).

3. Ограниченностъ модели Кэмпбела и предварительное размышление о построении теории локализации

Сложность китайского героического нарратива выявляет ограниченность модели «мономифа» Кэмпбела по нескольким ключевым направлениям.

На стадии «отправления» мотивация китайского героя часто носит плюралистичный и ситуативный характер. В романе «Речные заводи» «отправление» героев Ляншаня имело свои причины: Линь Чун был подставлен Гао Цю и другими предателями и был вынужден отправиться в Ляншань только тогда, когда у него не осталось другого выбора. Сун Цзян же был вынужден отправиться в Ляншань из-за своей праведности и недовольства реальностью и постепенно встал на путь сопротивления правительству.

В «Речных заводах» у каждого из героев Ляншаньского братства были свои причины для «отправления»: Линь Чун был вынужден присоединиться к братству после того, как его оклеветали сановники во главе с Гао Цюем, оказавшись в безвыходном положении [\[18, с. 143-153\]](#). Сун Цзян же, движимый чувством братской верности и недовольством реальным положением дел, постепенно встал на путь противостояния имперской администрации [\[18, с. 508-526\]](#). Их «отправление» в большей степени являлось пассивным выбором, продиктованным переплетением социального гнёта и личной судьбы, нежели активным откликом на единый зов к приключениям.

На стадии «инициации» становление китайского героя заключается не только в победе над внешними врагами, но, в большей степени, в обретении и гармонизации внутреннего нравственного начала, а также культурной идентичности. Ключевым аспектом «инициации» Сунь Укуна является преодоление его природы «сердечной обезьяны» (синьюань) – беспокойного начала в сознании, и принятие ограничений, налагаемых буддийскими заповедями и конфуцианской верностью долгу. Его трансформация из «Цитянь-дашэн» («Великого Мудреца, Равного Небу») в «Победоносного Будду» представляет собой сложный внутренний процесс и культурную адаптацию, которые модель Кэмпбела не в полной мере охватывает.

На стадии «возвращения» финал китайского героя далеко не всегда представляет собой триумфальное возвращение. Цин Кэ из «Ши цзи», чья миссия по убийству Циньского правителя потерпела неудачу и завершилась героической гибелью [\[6, с. 5506\]](#), олицетворяет архетип «героя-неудачника». Этот трагический исход глубоко отражает присущее китайской исторической нарративной традиции сложное понимание

изменчивости судьбы и духа индивидуального сопротивления [\[19, с. 74\]](#), что радикально расходится с моделью Кэмбелла, в которой герой в конечном счете одерживает победу и возрождает сообщество.

Следовательно, построение рамки локализованного теоретического нарратива имеет первостепенное значение для адекватной интерпретации китайского героического нарратива. Это требует от нас принятия перспективы глокализации, которая предполагает не только распознавание межкультурных нарративных универсалий, но и углублённое понимание уникального культурного контекста, тщательное выявление культурных коннотаций и раскрытие сущностных характеристик китайского героического повествования [\[20, с. 4\]](#). Только таким образом можно избежать механического подгоняния китайских текстов под западные концепции и, тем самым, способствовать развитию глобальных исследований героического нарратива на основе равноправного диалога.

Выводы

Настоящее исследование, используя в качестве ориентира модель «Пути героя» Кэмбелла, проанализировало структурные особенности и культурное ядро китайского героического нарратива. Проведённый анализ демонстрирует, что если на поверхностном структурном уровне китайский героический нарратив и обнаруживает определённые универсалии, общие с глобальными моделями, то его душа и плоть глубоко укоренены в почве традиционной китайской культуры, сплавляющей воедино конфуцианство, даосизм и буддизм. Конфуцианская моральная этика, даосский дух трансценденции и буддийская концепция причинно-следственной связи совместно сформировали уникальные поведенческие мотивации, пути становления и ценностные ориентиры китайского героя, что обусловило существенное отличие его нарратива от западной героической парадигмы.

Модель Кэмбелла, в качестве аналитического инструмента, полезна для осуществления предварительных межкультурных сопоставлений и выявления универсалий. Однако её универсальность оказывается недостаточной при столкновении с богатством и сложностью китайской нарративной традиции. Перспективные исследования должны выйти за рамки простого применения готовых теорий и сосредоточиться на создании более релевантных локализованных аналитических рамок, способных обеспечить более точное и глубокое объяснение сущностных характеристик и уникальной ценности китайского героического нарратива. Подобный подход будет не только содействовать международному распространению и диалогу о китайских историях, но и внесёт вклад в обогащение глобальной нарратологии за счёт китайской интеллектуальной традиции.

Библиография

1. Кэмбелл Дж. Тысячеликий герой / перевод Чжу Каньжу. Пекин: Издательство "Цзиньчэн", 2012. 267 с.
2. Ли Сянань. Исследование "Лампа Умм Хашем": Взгляд с позиции мономифа // Вестник Гуандунского университета иностранных исследований. 2020. № 6. С. 160-162.
3. Ли Вэйлань. Исследование героического повествования в фильме "Нэчжа: Рождение дьявола" через призму мономифа // Обзор шедевров. 2020. № 4. С. 22-30.
4. Хэ Ну. Два примера археологии "мономифа" о героических приключениях в китайской предыстории // Цивилизации Восточной Азии. 2022. № 3. С. 3-28.
5. Стычинский М.С. От Мультикультурализма к культурной глокализации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 9-13. EDN:

UDNNBJ

6. Хань Чжаоци. Переводы и комментарии к "Ши цзи". Пекин: Китайское книгоиздательство, 2010. 7769 с.
7. Лю Сюмэй, Ван Яни. Пространство национальной культуры в китайском анимационном фильме: на примере фильма "Нэчжа: Рождение дьявола" // Вестник Ляонинского университета (Философия и социальные науки). 2021. № 3. С. 127-133.
8. Ван И, Гань Линь. Героические повествования в китайских мифологических анимационных фильмах // Искусство кино. 2024. № 24. С. 114-118.
9. Фан Юн. Переводы и комментарии к "Мэн-цзы". Пекин: Китайское книгоиздательство, 2010. 305 с.
10. Фэн Ц. Влияние конфуцианства на трансформацию образа героя в китайской культуре // Культура и искусство. 2024. № 8. С. 54-64. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.8.70191 EDN: YWFQAQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70191
11. Чжан Дэшэн, Цзинь Яоцзи, Чэн Хайвэнь и др. О рациональности золотой середины: за пределами инструментальной, ценностной и коммуникативной рациональности // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 33-48.
12. Хуан Шиъи. Изречения Чжу-цзы. Шанхай: Шанхайское издательство "Древняя книга", 2014. 4703 с.
13. Чэн Шоу. Записи о Трёх царствах. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2011. 1235 с.
14. Чэн Гуин. Современные переводы и комментарии к "Чжуан-цзы". Пекин: Коммерческое издательство, 2007. 1043 с.
15. Чжан Гуйфан. "Самосовершенствование" и "единение" – эстетика жизни в конфуцианстве и даосизме и ее практика // Китайская эстетика. 2023. № 13. С. 97-111.
16. У Чэнъэнь. Путешествие на Запад. Чанша: Юэлу шушэ, 1987. 764 с.
17. Чжан Чанхун. Анализ дзэнской мысли в "Путешествии на Запад" // Вестник Хуайиньского педагогического колледжа (социальная наука). 2023. № 6. С. 618-622.
18. Ши Найань. Речные заводы (Том-1). Пекин: издательство Жэньминьвэньксюэ чубаньшэ, 2005. 674 с.
19. Цю Ху, Лю Хао, Цай Нин. Сравнение мотивов героев в китайских и греческих мифах // Вестник Сианьского университета аэронавтики. 2020. № 2. С. 70-75.
20. Чжоу Янь. Исследование практики локализации анимационного фильма "Путь героя" // Тенденции моды. 2024. № 15. С. 4-6.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований» представляет собой попытку анализа сюжетов китайской мифологии с учетом модели мономифа Кэмпбелла и традиций конфуцианства/даосизма. Сразу отметим слабый теоретический фундамент работы и ее научно-методическую составляющую, начиная буквально с заглавия: "От мономифа к локализованному повествованию..." подразумевает некое движение, развитие от первого ко второму, и авторский текст действительно развивается по такому маршруту, но китайские героические повествования - нет. Автор заявляет объектом

исследования «репрезентативные образцы классической китайской литературы, мифов, легенд и народных сказаний в качестве исследовательского материала» (в заглавии сформулировано более конкретно – китайские героические повествования), но не указывает эти тексты во введении, не объясняет выбор цитируемых в работе текстов, не указывает эти тексты в библиографическом списке. Выбор кэмпбелловской модели для проведения исследования вызывает вопросы сам по себе, т.к. теория Кэмбелла при всем ее значительном поп-культурном резонансе все же подвергалась существенной критике антропологами и исследователями мифологии как пример редукционистского подхода и др. Недостатки теории давно известны, соответственно вывод, к которому приходит автор в конце работы (сложность повествований о китайских героях бросает вызов модели «мономифа» Кэмбелла по некоторым параметрам) вполне предсказуем. Обоснование автором обращения к модели Кэмбелла представляется, мягко говоря, недостаточным – автор приводит ряд статей/тезисов, в которых китайских авторы пытаются анализировать по кэмпбелловской модели современные анимационные фильмы т.е. опять-таки произведения поп-культуры, в сценарных схемах которых кэмпбелловская модель (адаптированная во многих руководствах по написанию сценариев) заложена преднамеренно. Адекватного обзора литературы ни по кэмпбелловской модели, ни по китайскому героическому повествованию (мы не видим даже определения термина и конкретизации) таким образом в тексте не наблюдается. Раздел «Китайские героические повествования и модель «Путь героя» почему-то состоит из постоянным обращениям к западной поп-культуре (Гарри Поттер, Звездные войны, Властелин колец), причем частично к произведениям, созданным уже после публикации работ Кэмбелла и напрямую (Звездные войны) воспринявшим мономиф как свою структурную основу. Во второй части работы автор берется за бессистемный анализ китайских текстов (часть приведённых примеров не относится к героическим повествованиям), чтобы прийти к предсказуемому выводы о влиянии конфуцианства/даосизма и соответственно неприменимости кэмпбелловской модели к китайскому героическому повествованию, и в выводах автор о теории мономифа уже не упоминает вовсе. Представляется, что поставленные автором задачи (анализ соответствия китайских текстов универсалиям глобального героического повествования, а также выявление их повествовательных уникальностей) исходят из спорного тезиса о собственно наличии глобального героического повествования, выявление же повествовательных особенностей китайской героической литературы требует принципиально иного уровня теоретической и источниковой базы. В данном своем виде текст не представляет ценности и к публикации не рекомендуется.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью переосмысления универсальных нарратологических моделей в контексте культурного многообразия. В условиях глобализации особую значимость приобретает исследование локальных нарративных традиций через диалог с западными теоретическими конструкциями. Работа вносит

вклад в современную дискуссию о пределах применимости теории «мономифа» Дж. Кэмбелла и перспективах создания культурно-специфичных аналитических моделей.

Предметом исследования выступает китайский героический нарратив, анализируемый в сопоставлении с универсалистской моделью «мономифа». Автор ставит целью выявление структурных соответствий и принципиальных расхождений, позволяющих эксплицировать специфику китайской повествовательной традиции и обосновать необходимость разработки локализованной теоретической парадигмы.

Методологическую основу составляет синтез сравнительного анализа и принципов локализации. Данный подход позволяет сочетать макроподход, основанный на межкультурном сопоставлении с моделью Кэмбелла, с имманентным анализом культурного контекста. Применение междисциплинарной методологии, интегрирующей инструментарий культурологии, нарратологии и китайской философии, обеспечивает комплексность исследования.

Важным достоинством методологии является рефлексивный подход к теории Кэмбелла, используемой в качестве эвристического инструмента для выявления культурного своеобразия, а не в качестве догматической схемы.

Научная новизна работы заключается в системной апробации перспективы глокализации при анализе китайского героического нарратива. Автор выявляет философско-аксиологические детерминанты нарративной специфики, коренящиеся в синтезе конфуцианской этики, даосской концепции трансценденции и буддийской кармической логики. Результатом является многомерная модель китайского героя, чьи поведенческие стратегии и ценностные ориентации существенно отличаются от индивидуалистической парадигмы западного героизма.

Статья отличается строгой трехчастной архитектоникой, последовательно раскрывающей универсальные аспекты, культурную специфику и теоретические импликации исследования. Научный стиль изложения сочетается с терминологической точностью и доступностью. Содержательная часть характеризуется глубиной проработки материала и репрезентативностью привлекаемого корпуса первоисточников.

Положительной характеристикой работы служит детальная демонстрация трансформации элементов модели Кэмбелла под влиянием китайской культурной традиции. Особую ценность представляет анализ нарративов с трагической развязкой, не вписывающихся в прогрессистскую схему «мономифа».

Отдельным аспектом, требующим развития, является операционализация методологического аппарата глокализации применительно к конкретному текстовому анализу. Более развернутая методическая рефлексия могла бы усилить методологический раздел работы.

Список литературы репрезентативен и сбалансирован, включая как фундаментальные труды по теории нарратива, так и современные исследования на китайском языке. Привлечение авторитетных переводов классических текстов и актуальных научных публикаций обеспечивает надежность источниковой базы.

Автор последовательно полемизирует с двумя научными позициями: с апологетами универсализма, демонстрируя ограниченность модели Кэмбелла при анализе незападных нарративов, и с радикальными партикуляристами, отрицающими саму возможность продуктивного межкультурного сравнения. Занятая автором взвешенная позиция позволяет использовать теорию Кэмбелла как эвристический инструмент, одновременно показывая необходимость ее концептуального преодоления.

Выводы исследования логически завершены и коррелируют с поставленными задачами. Автор убедительно демонстрирует, что китайский героический нарратив представляет собой синтез универсальных повествовательных структур и уникального культурного кода, требующий разработки специализированных аналитических моделей.

Статья адресована широкому кругу специалистов в области компаративистики, культурологии, литературоведения и востоковедения. Материал представляет ценность как для теоретиков, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, так и для практиков, работающих с китайскими текстами.

Статья «От мономифа к локализованному повествованию» представляет собой актуальное, методологически обоснованное и содержательное исследование. Продемонстрировав высокий уровень владения теоретическим материалом и глубокое понимание специфики китайской культурной традиции, автор вносит существенный вклад в развитие плюралистического подхода к изучению культурных нарративов. Работа соответствует критериям научной новизны и рекомендуется к публикации в журнале «Litera».